

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вступленіемъ на престолъ Іоанна не окончились смуты: сѣмена зла и безпорядка были слишкомъ многочисленны. Мы видѣли, какой взрывъ произведенъ былъ духомъ придворныхъ партій, соединившимся съ строптивымъ духомъ дурно - организованнаго, дурно-управляемаго войска; но это были не единственные плеве-лы, возросшія на старинной русской почвѣ: были еще и другіе, которыхъ корни разрослись, можетъ быть, еще глубже. Мы разумѣемъ расколы.

Еще въ весьма отдаленныя времена находимъ мы грамоты епископовъ и митрополитовъ нашихъ (1) къ людямъ, которые, имѣя можетъ быть справедливыя причины неудовольствій противъ священниковъ, начали громко вооружаться противъ нихъ. Нѣкоторые, восходя отъ результатовъ къ причинамъ, стали находить, что самое званіе священства установлено произвольно, что оно не необходимо, и наконецъ, какъ ненужное, вредно. Обратясь такимъ образомъ отъ лицъ къ самимъ догматамъ, люди эти основали цѣлое ученіе, коего послѣдователи извѣстны подъ именемъ стригольниковъ. Стригольническая секта возникла въ Новгородѣ и мало по малу усилилась до такой степени, что великіе князья нашлись принужденными употребить противъ нея силу

(1) Историч. извѣстія о древнихъ стригольникахъ и проч.

Имя этой секты исчезло, но отъ ней навѣрное остались въ народѣ сѣмена, давшія въ послѣдствіи сильныя ростки.

При общемъ неустройствѣ и бѣдствіяхъ народныхъ, во времена княжескихъ междоусобій и татарщины, конечно не могло быть удовлетворительнаго порядка въ отношеніяхъ церкви къ обществу. Не всегда строгая жизнь и недостаточное образованіе духовныхъ особъ, ихъ произвольныя толкованія священныхъ книгъ (2), наконецъ эта мистическая экзальтація, которая овладѣваетъ племенами утѣшенными и страдающими (3), все это вмѣстѣ имѣло слѣдствіемъ то, что многіе стали отвергать духовную пищу, предлагаемую мѣстнымъ священствомъ, и искать утѣшеній въ собственныхъ созерцаніяхъ и вдохновеніяхъ, посреди пустынь и дебрей. И не должно думать, чтобъ люди эти были бродяги, принужденные бѣдностію или преступленіемъ оставлять общество: можетъ быть были и такіе, но со стороны многихъ это было дѣломъ убѣжденія. Такъ одинъ изъ членозъ старинной и пѣкогда знатной фамиліи князей Мышецкихъ удалился, въ царствованіе царя Василія Шуйскаго, въ мрачныя лѣса нынѣшней Архангельской губерніи, и потомки его были одними изъ главныхъ вождей раскола.

При этомъ надо принять въ соображеніи еще одно обстоятельство: съ самаго начала нашей церкви существовалъ обычай испрашивать рукоположенія русскому митрополиту у константинопольскаго патріарха. Когда же Царьградомъ овладѣли Турки, церковь наша получила независимость, благодѣтельную можетъ быть въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но вредную съ одной стороны: на престолѣ первосвятительскомъ чаще стали возсѣдать лица недостаточно образованныя, которыя мало по малу допустили въ обряды и въ книги духовныя вкрасться ошибкамъ, ежедневно усиливавшимся отъ невѣжества священниковъ и безграмотности переписчиковъ.

Когда Россія отдохнула отъ долгихъ своихъ страданій, а въ администраціи, какъ политической, такъ и духовной, учредилось болѣе правильности и порядка, стала оцутительна необ-

(2) Исторія Россійской церкви, стран. 107.—«Инь бо учить сице, инъ сице», говоритъ Св. Димитрій Ростовскій въ Розыскѣ о расколѣ брянской вѣры.

(3) Исторія Россійской церкви, томъ III, стр. 63.

ходимость преобразования въ дѣлахъ церковныхъ. При царѣ Василии Іоанновичѣ прибылъ изъ Греціи ученый монахъ Максимъ, которому поручено было заняться исправленіемъ духовныхъ книгъ, на основаніи старинныхъ славянскихъ и греческихъ подлинниковъ. Дѣло, возложенное на *Максима Грека*, какъ его называютъ лѣтописи, не имѣло слѣдовательно необыкновенной важности, но оно показалось тогдашнему духовенству посягательствомъ на святыню; къ этому присоединились нѣкоторые придворные происки, и ученый Максимъ обвиненъ въ искаженіи текста и сосланъ въ заточеніе, гдѣ пробылъ слишкомъ тридцать лѣтъ, до самой смерти своей.

При Грозномъ возобновлены были попытки исправленія духовныхъ книгъ. Но сличая книги, предложенныя къ исправленію, не съ древними оригиналами, а съ списками, во многихъ мѣстахъ неисправными, лица, созванныя для этого дѣла, не только не искоренили, а напротивъ утвердили нѣкоторыя ошибки, какъ напримѣръ двухперстное знаменіе (4). На составленныя тогда постановленія, извѣстныя подъ именемъ Стоглава, въ послѣдствіи и опирались люди, отвергавшіе исправленія, произведенныя Никономъ.

Послѣ смерти Іоанна IV смуты, какъ извѣстно, въ теченіе полулѣтка обуревавшія Россію, отвлекли вниманіе государей отъ духовныхъ реформъ, такъ что не ранѣе какъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ за нихъ принялись снова. По приглашенію Алексѣя Михайловича составился, въ 1654 году, новый соборъ, на которомъ предсѣдательствовалъ за два года передъ тѣмъ возведенный въ патріаршее достоинство знаменитый Никонъ.

Много было высказано различныхъ мнѣній объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, но кажется до сихъ поръ исторія не произнесла надъ нимъ окончательнаго приговора. Юность его протекла въ глубокомъ уединеніи. Онъ жилъ на дикомъ островѣ, окруженный водами пустыннаго озера, и только три раза во время долгаго своего отшельничества, и то противъ воли, имѣлъ сообщеніе съ людьми. Ревность его къ вѣрѣ доходила до фанатизма, и, можетъ быть, безпрестанное напряженіе одной мысли, востор-

(4) «Наставленія правильно состязаться съ раскольниками», сочин. свѣск. раздѣленіе Слѣсна.

женныя созерцанія и совершенное одиночество, дали бы наконецъ одностороннее направленіе его уму; можетъ быть онъ умеръ бы безвѣстнымъ схимникомъ, еслибъ царь не вызвалъ его на поприще положительной дѣятельности. Въ короткое время онъ достигъ сана архіепископа и потомъ митрополита новгородскаго. На этомъ возвышенномъ постѣ имѣлъ онъ случай обнаружить всю силу своего характера извѣстно, какую высокую гражданскую доблесть обнаружилъ онъ во время бывшаго при немъ въ Новгородѣ возмущенія. Смѣлый духъ этого человѣка не зналъ страха, также какъ упорный его умъ не зналъ уступки; не возможно далѣе Никона простирать непреклонность убѣжденій. Онъ имѣлъ нѣчто напоминающее Иннокентія III, Григорія VII, этихъ великихъ типовъ Латинской церкви, именно — глубокое убѣжденіе въ безконечномъ величїи своего сана и своего назначенія. Никона упрекаютъ въ властолюбіи: это справедливо; но онъ желалъ все окружающее подчинить не особѣ своей, а своему званію; упрекаютъ въ безмѣрной строгости, — и это справедливо: но возвышая духовный чинъ, онъ желалъ, чтобъ лица, къ нему принадлежащія, были его достойны.

Будучи новгородскимъ митрополитомъ, Никонъ ярко выказалъ всѣ эти свойства. Онъ каралъ безпощадно недостойныхъ священниковъ и возвышалъ духовенство, подвергалъ себя добровольнымъ лишеніямъ, требовалъ того же отъ другихъ, и въ то же время наполнялъ храмы великолѣпіемъ, завелъ искусныхъ пѣвчихъ и всему служенію церковному придавалъ торжественность, порядокъ и величіе, какихъ не было въ другихъ митрополїяхъ. Это скоро обратило на Никона всеобщее вниманіе. Одни порицали и горько осуждали его, другіе ему удивлялись. Царь видимо ему покровительствовалъ, за то патріархъ, тогда бывший, Іосифъ, столь же явно не доброжелательствовалъ ему. Впрочемъ престарѣлый святитель руководился въ этомъ не столько своими собственными убѣжденіями, сколько внушеніями его окружавшихъ, особенно священниковъ Аввакума и Никиты, въ послѣдствїи весьма извѣстныхъ. По ихъ настоянію повелѣлъ патріархъ напечатать нѣсколько книгъ, направленныхъ противъ нововведеній Никона и произведшихъ на умы печальныя слѣдствія, — недоумѣніе, сомнѣніе и раздоръ.

Въ 1653 году скончался Іосифъ, и царь пожелалъ видѣть на патріаршемъ престолѣ Никона. Сказываютъ, что Никонъ долго от-

казывался отъ этой чести; весьма вѣримъ: при своихъ непреклонныхъ убѣжденіяхъ, при крутомъ своемъ нравѣ, онъ долженъ былъ предвидѣть ожесточенную борьбу на патріаршемъ престолѣ. Но царь настаивалъ; Никонъ согласился и съ перваго же шага пошелъ на встрѣчу опасности.

Онъ началъ съ того, что подвергъ строгому наказанію людей, участвовавшихъ въ сочиненіи книгъ, о которыхъ мы выше говорили; потомъ приступилъ къ великой реформѣ духовной, столько разъ безуспѣшно предпринимаемой. Онъ озаботился достать сколько можно болѣе и сколь можно древнѣйшихъ рукописей, по которымъ предполагалъ сдѣлать повѣрку церковныхъ книгъ; по его просьбѣ константинопольскій патріархъ снабдилъ соборъ, созданный въ Москвѣ, подлинниками, изъ коихъ нѣкоторые относились къ первымъ вѣкамъ христіанства, числомъ до пятисотъ. Тогда, съ полною надеждою на достиженіе истины, соборъ приступилъ къ своимъ дѣйствіямъ.

Всѣ дѣйствія этого собора совершались съ большою торжественностію; опредѣленія его были обнародываемы по всей Россіи. Можно было надѣяться, что шаткіе умы утвердятся, а строптивые принуждены будутъ покориться. Раскольники преданы были анаемѣ и подвергнуты преслѣдованіямъ свѣтской и духовной власти (5); главные же ихъ учителя потерѣли жестокое наказаніе; Аввакумъ и Никита были заключены. Соборъ дѣйствовалъ быстро и рѣшительно. Но зло было глубоко вкоренено, и вырвать его было трудно. Многіе все еще съ сомнѣніемъ взирали на опредѣленія новаго собора, который опровергалъ постановленія Стоглава. Къ неосновательнымъ, но добросовѣстнымъ сомнѣніямъ примѣшивались другія, менѣе честныя чувства; люди, нерасположенные къ Никону, который между тѣмъ палъ, перенесли это нерасположеніе и на его дѣло. Особенно между духовными весьма многіе, раздраженные его суровостію, переходили подъ знамена раскола; лѣсныя чащи наполнились хижинами и шалашами этихъ отщепенцевъ. Жители окрестныхъ мѣстъ слышали вдругъ, въ необитаемомъ дотолѣ мѣстѣ, звонъ колокола (6), слышали на этотъ призывъ ный звукъ, встрѣчали старца, молящагося въ чащѣ дебри, съ участіемъ внимали его разказамъ о преслѣдованіяхъ, которымъ

(5) Жезль правоснїя.

(6) Ист. изв. о Стригольи.

будто бы подвергалась вѣра праотцевъ, о пришествіи Антихриста, о близкомъ концѣ міра. Имена Никона и никоніанцевъ произносимы были съ проклятіями, сѣтованія объ утратѣ православія сопровождались слезами, и простодушные поселяне съ благоговѣніемъ взирали наотшельника, потомъ возвращались къ нему, чтобъ слушать его поученія, приносили ему посильные дары, требуя за то только его благословенія, и по немогу обращались къ расколу. Иные поселялись вокругъ своего учителя, оставляя, вмѣстѣ съ жилищами своими, семейства, имущества, всѣ обольщенія житейскія. Такъ образовались во многихъ мѣстахъ монастыри или *скиты* раскольничьи, центры ученій, направленныхъ противъ господствующей церкви. Естественно, что эти скиты основались преимущественно въ отдаленныхъ отъ Москвы мѣстахъ; низовья Дона и Днѣпра, берега Волги, страны пограничныя съ Литвой, Ливоніей и Швеціей, даже отдаленная Сибирь, наполнились раскольниками. Но главнымъ центромъ ихъ было такъ-называемое поморье за-Онѣжское, тѣ суровыя и печальныя страны, гдѣ пѣкогда поселился фанатикъ Мышецкій. Здѣсь живѣе сохранились преданія старинныхъ стригольниковъ, страна была мало доступна надзору, все благопріятствовало сильному развитію отдѣлившейся секты. Вліяніе ея простерлось далеко. Соловецкій монастырь, одна изъ значительнѣйшихъ обителей въ Россіи, былъ потрясенъ расколомъ и преданъ ему, отвергнувъ въ одно и тоже время господство духовной и свѣтской власти.

Ударъ этотъ былъ чувствителенъ. Монастырь Соловецкій обладалъ такимъ богатствомъ, что было время, когда царь Алексѣй, истративъ всю казну свою на войны съ Поляками, принужденъ былъ прибѣгнуть къ Соловецкой братіи, и получилъ весьма значительное пособіе (7). Понятно, какую власть могли придать мятежникамъ столь великія богатства, доставшіяся въ ихъ руки. Правительство и патріархъ увѣщевали, грозили, —напрасно; наконецъ было послано сильное войско подъ начальствомъ воеводы Мещеринова, который взялъ приступомъ воинственную обитель.

Такимъ образомъ матеріальное развитіе власти раскольниковъ было приоставлено, но расколъ по-прежнему, и еще сильнѣе,

(7) Акт. Арх. Экс. Т. IV № 149.

сталъ похищать не только гражданъ у государства, но и у церкви ея служителей. Попъ Никита, нѣкогда заточенный Никономъ, покаявшійся въ своей ереси, отвергшій ее и прощенный, «возвратился, говоритъ Крекшинъ, какъ пестъ на свои блевотины». Несравненно важнѣйшій еще успѣхъ одержать расколъ, когда ему преданъ одинъ изъ значительнѣйшихъ духовныхъ сановниковъ, епископъ коломенскій, Павелъ, самъ засѣдавшій въ соборѣ Никоновомъ. Напрасно новые соборы, председательствуемые восточными патріархами, подтверждали постановленія Никона и обличали ересь раскольниковъ; расколъ гордо поднялъ голову и въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя ни лжеучители, ни ихъ послѣдователи, не скрывались.

Въ чемъ состояло ученіе раскола, мы считаемъ себя обязанными упомянуть только въ общихъ чертахъ. Самое названіе *старообрядцевъ*, принятое послѣдователями этой секты, указываетъ на основанія ея. Дѣйствительно, отвергая исправленія, утвержденныя послѣднимъ соборомъ, раскольники признавали истинными и священными только старыя книги и старыя образа; иисали Ісусъ вмѣсто Ісусъ, крестились двумя перстами, служили на семи просфорахъ и поклонялись только осьмиконечному кресту (8).

Старыя книги, чтимыя ими, они пріобрѣтали не щадя ни денегъ, ни трудовъ; употребляли подкупы и обманы, чтобъ добывать старинныя образа, и чѣмъ живопись была на нихъ чернѣе, чѣмъ лики святыхъ были удаленнѣе отъ естественныхъ лицъ человѣческихъ, тѣмъ драгоцѣннѣе и святѣе казался они необразованнымъ изувѣрамъ. Отвращаемые церковію, преслѣдуемые правительствомъ, они, такъ сказать, заключались въ самихъ себя; считали оскверненіемъ всякое спощеніе съ никоніанцами, не хотѣли ни пить, ни ѣсть изъ однихъ посуды съ ними, очищали молитвами припасы, которые необходимость заставляла ихъ покупать внѣ своего общества, церкви православныя называли амбарами и хлѣвами, а священниковъ хищными волками (9).

Въ такомъ духѣ нетерпимости и исключительности былъ написанъ ими катихизисъ, служившій основаніемъ ихъ ученію. Различествуя отъ православія собственно въ томъ, что есть осязаемаго и символическаго въ религіи, ученіе это, проповѣдуемое

(8) Розыскъ о расколѣ. Брынск. вѣры, Св. Димит. Ростовск.

(9) Увѣтъ духовный стр. 13.

по большей части безграмотными фанатиками, развило символизм и какую-то чувственную мистику до невѣроятных безразсудствъ (10). Такъ картины, всегда духовнаго содержанія, которыми облѣпляли они стѣны своихъ избъ, еще болѣе нелѣпы по содержанію, чѣмъ по исполненію: на нихъ изображается то какая нибудь чудовищная птица, подъ которою церковными буквами и риемованною прозою подписано, что когда эта птица закричитъ и размахнетъ крыльями, тогда настанетъ страшный судъ; то представленъ самъ Антихристъ съ своими аггелами (которые всѣ поименованы), воюющій противъ святыхъ и архангеловъ. Всѣ эти странныя исчадія грубо мистической экзальтаціи были чествуемы, почти обожасмы старовѣрами, и какъ были за двѣсти лѣтъ, такъ и теперь все тѣже, неизвѣстно.

Упорная, злостная неподвижность и неизчерпаемая бездна предразсудковъ были результатами этого ученія, освящавшаго старинность и обоготворявшаго символъ. Потому, что Спаситель изображается съ бородою, они считаютъ неискупимымъ грѣхомъ бритье подбородковъ. Одинъ изъ духовныхъ писателей, бывшій сначала раскольникомъ, увѣрлетъ, что для лучшаго очищенія покупаемыхъ ими у никоніанцевъ свѣтлыхъ припасовъ, они просверливали въ печахъ дыры, чрезъ которыя удобнѣе можетъ проникать, полагали они, благодать... (11). Убѣжденные, что Антихристъ дѣйствительно пришелъ на землю и что царствованіе его началось, они томились мыслию о близости страшнаго суда и во многихъ мѣстахъ—это не вымыселъ романиста—одѣвались въ саваны, зажигали свѣчи и ложились въ гробы, въ ожиданіи трубы архангела (12).

Всѣ эти нелѣпыя понятія получили главное свое развитіе въ за-Опѣжскомъ поморьѣ, то есть въ нынѣшней Олонецкой и Архангельской губерніяхъ.

Тамъ находился монастырь, чтимый всѣми старовѣрами и называемый, по имени рѣки, на которой былъ построенъ, Выгорѣцкимъ. Во второй половинѣ XVII столѣтія проживали здѣсь потомки упомянутаго выше князя Мышецкаго, давно забывшіе свое

(10) Пишущему эти строки случалось слышать отъ гребенскихъ казаковъ, усердныхъ старовѣровъ, что чай, кофе и табакъ потому прокляты, что *родились отъ блудницы*.

(11) Истор. извѣстія о Стригольи.

(12) Тамъ же.

первоначальное происхождение. Старцы Андрей и Симеонъ Денисовы, какъ ихъ называли, кое-какъ и въ совершенныхъ уже лѣтахъ научившись грамотѣ, написали нѣсколько книгъ, которыя съ катихизисомъ и небольшимъ числомъ другихъ духовныхъ сочиненій, составляютъ пандемоніумъ старообрядческой мудрости.

Но воображеніе, приведенное однажды въ движеніе и не управляемое благоразуміемъ или наукою, не находитъ предѣловъ своему разгулу. Всякъ думалъ и задумывался между раскольниками о близкомъ концѣ міра, о пришествіи Антихриста. Объ этомъ мечталъ и старецъ, удрученный веригами и успѣвшій умертвить свою плоть, мечталъ и здоровый молодой отшельникъ, кровь котораго громко вопіяла; мечталъ наконецъ безграмотный пастухъ, пасшій монастырскія стада среди лѣснаго уединенія (13). Каждый изъ нихъ провозглашалъ результаты своихъ созерцаній, и такъ какъ между раскольниками не было центральной духовной власти, то каждый принималъ то изъ этихъ толкованій, которое болѣе согласовалось съ его образомъ мыслей, наклонностями, темпераментомъ. Такимъ образомъ расколъ скоро развѣтвился на множество отраслей. Явилась секты, которыя въ томъ убѣжденіи, что жизнь обречена грѣху и что искушеніе сильнѣе челоуѣка, провозгласили самоубійство святымъ дѣломъ; явились такіе, которые умѣли обоготворить самый необузданный развратъ; наконецъ нѣкоторые, все больше и больше восходя къ старинѣ, дошли до оближенія съ іудейскими началами (14).

Всѣ эти секты, которыхъ число безмѣрно увеличилось въ послѣдствіи, презирали и ненавидѣли другъ друга; но у нихъ было общее одно—заклятая вражда противъ православной церкви и противъ признающаго ее правительства. Понимая въ буквальномъ смыслѣ безпрестанно повторяемые возгласы о воцареніи Антихриста, они полагали его олицетвореннымъ въ особѣ то царя, то патріарха. Въ послѣдствіи за то, что поморскіе раскольники согласились поминать царскую фамилію на ектеньѣ, отъ нихъ отделилась часть братіи и образовала отдѣльную секту (15).

(13) Истор. извѣстія о Стригольн.

(14) Наставленіе правильно состязаться съ раскольниками.

(15) Истор. извѣстія о Стригольн.

И не должно думать, чтобъ расколъ заключаея только въ стѣнахъ скитовъ; онъ проникъ во всѣ классы русскаго народа и во всѣхъ областяхъ, городахъ, въ самой Москвѣ имѣлъ весьма большое количество послѣдователей которые тайлись во времена гоненій, онъ при благоприятныхъ обстоятельствахъ гордо подымали голову. Въ особенности много было этихъ сектаторовъ между стрѣльцами. Такимъ образомъ когда царевна вступила въ сношенія съ стрѣleckимъ войскомъ, она должна была неизбѣжно встрѣтиться съ расколомъ. Вступила ли она въ союзъ съ нимъ? Это еще одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, на которые не существуетъ неотразимыхъ доказательствъ; но многія соображенія заставляютъ насъ отвѣчать на это утвердительно.

Въ самомъ дѣлѣ, можно ли думать, чтобы питая свой властолюбивый замыселъ, имѣя противъ себя при томъ большую часть аристократіи, да и мнѣніе народа вообще, какъ бы оно ни мало цѣнилось, можно ли думать, говоримъ, чтобъ умная царевна, чтобъ осторожный Милославскій, чтобъ Голицынъ, не предприняли всевозможныхъ мѣръ для обезпеченія успѣха, и не озаботились приискать себѣ союзниковъ вездѣ, гдѣ только могли ихъ найти? А въ этомъ смыслѣ чьего расположенія было ближе искать, какъ не цѣлаго сословія людей, для которыхъ все существующее по благословенію патріарха, все правительственное было ненавистно? Правда, нигдѣ не замѣтно прямаго участія раскольниковъ въ переворотахъ, предавшихъ власть въ руки царевны; но ей и не нужно было,—напротивъ, ей было опасно приводить въ движеніе всю эту фанатическую массу; для нея достаточно было, чтобъ главные предводители сектъ изъявили свое сочувствіе ея предпріятію и благословили на оное покорныхъ имъ стрѣльцовъ. Есть поводъ думать, что такія сношенія и дѣйствительно существовали между Софіей и главными лицами раскола. Авторъ «Историческихъ извѣстій о стригольникахъ» и пр., долго жившій между раскольниками, говоритъ, что между ними есть преданіе о существованіи и доселѣ въ выгорѣцкихъ скитахъ писемъ царевниныхъ. Какимъ важнымъ приобрѣтеніемъ для исторіи было бы открытіе этихъ писемъ!...

Наконецъ весьма сильнымъ намекомъ на связь между раскольниками и партіей царевны должно считать возвышеніе Хованскихъ. Мы видѣли выше, что князь Иванъ пользовался

не слишкомъ выгоднымъ мнѣніемъ со стороны какъ своихъ воинскихъ доблестей, такъ и способностей гражданскихъ. Правда, происхождение его было знатно, онъ считалъ многихъ польскихъ и венгерскихъ королей между своими предками, но во первыхъ, о знатности родовъ въ древней Россіи существовали понятія, не совсѣмъ сходныя съ понятіями западными, нынѣшними; во вторыхъ, знатность рода намъ кажется весьма недостаточнымъ объясненіемъ столь быстраго возвышенія: много было въ Россіи именъ не менѣе древнихъ и не менѣе славныхъ, чѣмъ родъ Хованскихъ. Но князь Иванъ, долго будучи воеводою во Псковѣ, гдѣ, какъ и во всѣхъ пограничныхъ областяхъ, сильнѣе гнѣзился расколъ, сталъ его послѣдователемъ; а какъ его имя, богатство и связи должны были давать ему важность между врагами православія, то Софія, возвышая его, льстила всей массѣ его единомышленниковъ и пріобрѣтала ихъ расположеніе. Такъ въ нашемъ понятіи объясняется внезапное величіе Хованскихъ, и такъ въ свою очередь оно подтверждаетъ догадки о союзѣ царевны съ раскольниками.

Но союзъ этотъ едва не сдѣлался ей столько же опаснымъ, можетъ быть еще болѣе опаснымъ, чѣмъ подобный же союзъ со стрѣльцами; она раздула пожаръ, и пламя стало грозить ей самой. Ободренные возвышеніемъ Хованскихъ и униженіями, которыя претерпѣлъ патриархъ въ послѣднее время, считая притомъ царевну своею жаркою покровительницею, раскольники гордо воспрянули. Политическую интригу, для успѣха которой нужно было ихъ случайное торжество, они приняли въ своемъ фанатическомъ ослѣпленіи за первый шагъ къ полной побѣдѣ, за первый ударъ владычеству Антихриста. Нетерпѣливые довершить начатое дѣло, учителя и проповѣдники раскола явились въ Москвѣ, гдѣ Хованскій и бѣльшая часть стрѣльцовъ съ радостію ихъ приняли.

Хованскій, придерживавшійся раскола секты монаха Капитона, издавна держалъ у себя поповъ старообрядческихъ и имѣлъ моленную; но прежде онъ дѣлалъ это тайно, теперь же пересталъ таиться. Моленная наполнялась единомышленниками; попы его, соединившись со вновь-прибывшими въ Москву, между которыми былъ извѣстный Никита, стали явно совершать свои обряды, бродили по слободамъ стрѣльцовъ, по улицамъ московскимъ, и открыто проповѣдывали свое ученіе. Толпы стрѣльцовъ и другихъ раскольниковъ слѣдовали за ними, народъ изъ любо-

пытства увеличивалъ эти сходбища, такъ что столица православія представляла зрѣлище страннаго соблазна. «Постойте, кричали проповѣдники, стойте, православные, за истинную вѣру, которая гибнетъ и у насъ на Руси, и у Грековъ, и во всей землѣ!» — «И кто, говоритъ патріархъ Іоакимъ въ своемъ Увѣтѣ, кто не содрогнется отъ такихъ словъ!»

Дѣйствительно сердца многихъ простодушныхъ и набожныхъ людей, слышавшихъ эти проповѣди, содрогались, а въ чемъ не успѣвало краснорѣчіе проповѣдниковъ, то довершалъ грозный видъ стрѣльцовъ, готовыхъ вмигъ унять всякое возраженіе и заставить покориться всякаго невѣрующаго.

Правительство, съ своей стороны, не предпринимало никакихъ мѣръ противъ такого безпорядка. Это было время страшной анархїи въ Москвѣ; царевна еще не успѣла, такъ сказать, осмотрѣться; дума же боярская была морально уничтожена майскими потрясеніями и не только не искала какими нибудь энергическими дѣйствіями возратить потерянное значеніе, но напротивъ какъ будто нарочно старалась заставить себя забыть, находя безопасность въ своемъ униженіи. По этому дерзость и буйство раскольниковъ возрасли до того, что стали грозить новымъ возмущеніемъ. Не далѣе какъ черезъ три недѣли послѣ перваго мятежа, когда всѣ умы еще были полны опасенія, а именно 5-го іюля (16), толпа этихъ безумцевъ вломилась въ самый Кремль. Тамъ подъ окнами царскихъ и патріаршихъ палатъ, у самой паперти Успенскаго собора, лежучители разставили свои аналои, зажгли свѣчи, развернули свои книги и стали проповѣдывать ненависть къ православію, ругать исправленные образа и проклипать патріарха.

Патріархъ въ это время находился въ соборѣ, возгласы лежучителей и клики народа раздавались подъ сводами храма и мѣшали богослуженію. Первосвятитель выслалъ священника, чтобъ усовѣститъ безумцевъ и убѣдить ихъ по крайней мѣрѣ перенести въ другое мѣсто свое засѣданіе. На слова этого посланнаго разумѣется не было обращено вниманіе, а напротивъ клики усилились, и самъ священникъ едва не былъ побитъ камнемъ.

Между тѣмъ князь Иванъ Хованскій во все это время разыгрывалъ, и довольно искусно, лукавѣю роль посредника между дво-

(16) Увѣтъ духовный. Матвеевъ. Крекшинъ.

ромъ и народомъ. Самъ подвигнувъ народъ на какое нибудь мятежническое движеніе, онъ ѣхалъ потомъ ко двору, и вѣроломно оплакивалъ буйство черни, преувеличивалъ ея ожесточеніе и силу, и устрашивъ такимъ образомъ правительство, побуждалъ его принимать иногда ложныя мѣры, которыя въ свою очередь увеличивали волненіе. Точно такъ же поступилъ Хованскій и въ настоящемъ случаѣ; онъ говорилъ, что такъ какъ народъ волнуемъ разномысліемъ религіознымъ, и какъ вся Москва принимаетъ живѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ, то лучшею мѣрою было бы повелѣть патріарху съ духовенствомъ съ одной стороны, старообрядческимъ попамъ и учителямъ съ другой, войти въ публичное состязаніе, которое наконецъ рѣшить, кто правъ, кто ошибался (17)?

Естественно, что въ состязаніи между ученѣйшимъ духовенствомъ московскимъ и безграмотными попами раскольничьими, побѣда должна была остаться за первыми. Но Хованскій и не рассчитывалъ на діалектику; онъ надѣялся, что стрѣльцы, слишкомъ сильные и своевольные, не потерпятъ противорѣчій, примутъ участіе въ диспутѣ и прибѣгнутъ къ силѣ противъ патріарха и духовенства. Поэтому онъ также желалъ, чтобы царская фамилія не присутствовала при этомъ, полагая, что ея присутствіе удержитъ народъ въ предѣлахъ порядка. Но лукавая мысль Хованскаго была проникнута, и въ публичномъ состязаніи ему было отказано, а предложено состязаніе въ Грановитой Палатѣ, въ присутствіи царской фамиліи, двора и выборныхъ людей всѣхъ чиновъ и сословіи. Это предложеніе не соответствовало намѣреніямъ Хованскаго. Особенно присутствіе царей и правительницы, любимой еще стрѣльцами, его затрудняло. Онъ убѣждалъ не подвергать главы вѣнценосцевъ опасности. Раскольники, говорилъ онъ, злы на патріарха; стрѣльцы и часть народа ихъ поддерживаютъ: что если преніе ожесточитъ сердца до того, что произойдетъ смятеніе? что можетъ случиться съ царями и со всѣмъ домомъ царскимъ? Но Хованскій имѣлъ дѣло съ царевною, которую не легко было обмануть. Она проникла тайную цѣль лицемѣра и надѣялась, что присутствіе царей и ея собственное будетъ въ состояніи предотвратить грозу. На убѣжденія Хованскаго она отвѣчала рѣшительно,

(17) Медвѣдевъ.

что во всякомъ случаѣ она намѣрена раздѣлить судьбу патріарха и православія; и такъ какъ во время этихъ переговоровъ обѣдня кончилась, то послано было къ святѣйшему Іоакиму приглашеніе поспѣшить въ Грановитую Палату.

Видя неудачу всѣхъ своихъ затѣй, Хованскій отважился на последнее средство. Онъ отправился самъ къ патріарху, чтобъ передать ему приглашеніе, и прибавилъ, что цари желаютъ, чтобъ онъ вступилъ во дворецъ чрезъ Красное крыльцо.

Такимъ образомъ патріарху надлежало проходить сквозь толпу раскольниковъ, которые, рассчитывая Хованскій, увидя посреди себя главнаго сановника церкви, по первому сигналу могутъ его разтерзать. Но и этотъ замыселъ разрушила Софія, приказавъ провести патріарха по тайной лѣстницѣ (18).

Множество знатнаго духовенства собралось въ Грановитую Палату: восемь митрополитовъ, пять архіепископовъ, два епископа и большое число игуменовъ, священниковъ и пр. явились вслѣдъ за патріархомъ. Съ своей стороны царевна сдержала свое слово и прибыла сама вмѣстѣ съ обоими царями, царицей Натальей Кириловной, и царевнами Татьяной Михайловной и Марьей Алексѣевной. Потомъ были введены знатнѣйшіе свѣтскіе сановники и выборные отъ всѣхъ полковъ. Когда всѣ заняли слѣдующія имъ мѣста, повелѣно было впустить раскольниковъ.

По большей части это были люди самой мелкой черни, — бродяги, бѣглые холопы; многіе были не трезвы. Они вломилась безпорядочною, буйною толпою, таща съ собою скамейки, аналои, и радостно помахая своими тетрадками. Не ожидая ни чьего разрѣшенія, они зажгли свѣчи, разложили свои иконы и книги, и начали говорить тономъ людей, приглашенныхъ не для пренія, но для поученія и обращенія присутствующихъ. «Мы пришли утвердить, говорили они, старую вѣру, безъ которой нельзя спасти души своей.» И вслѣдъ за тѣмъ подали они царямъ челобитную, которую немедленно начали громогласно читать. Во время чтенія этой челобитной, въ которой излагалось требованіе возстановленія старой вѣры, — Никита, получившій названіе Пустосвята, усиливалъ дѣйствіе письменнаго краснорѣчія восклицаніями и прибавленіемъ, къ грубымъ выраженіямъ челобитной, ругательствъ противъ патріарха.

(18) Медвѣдевъ.

Одинъ изъ присутствовавшихъ, архіепископъ холмогорскій Аѳанасій, замѣтилъ Никитѣ неприличность его поступковъ. Никита, который, подобно Хованскому, также не много надѣялся на силу своихъ доводовъ, и искалъ только случая произвести схватку, кинулся на пастыря съ поднятою дланью. По счастью выборные люди оттащили злаго изувѣра, и спокойствіе возстановилось.

Тогда патріархъ приступилъ собственно къ пренію. Онъ началъ объяснять справедливость поправокъ, произведенныхъ послѣднимъ соборомъ, и доказательства свои приводилъ изъ книгъ, въ большомъ количествѣ принесенныхъ въ Грановитую Палату; отыскивалъ въ нихъ спорныя мѣста, указывалъ ихъ и давалъ читать своимъ противникамъ. Но всѣ эти убѣжденія были бесполезны: раскольники не хотѣли быть убѣжденными; они прервали патріарха, и поднявши руки, съ сложенными по ихъ правиламъ перстами, стали кричать: «Такъ креститесь! такъ вѣруйте!»

Цари, убѣдившись наконецъ въ бесполезности этого собранія, хотѣли выйти изъ Грановитой Палаты; но патріархъ и всѣ присутствовавшіе уговорили ихъ еще остаться нѣсколько времени. Преніе продолжалось, но безъ цѣли, безъ пользы, не только не примиряя, но еще болѣе ожесточая партіи, и наконецъ было прервано звономъ вечерняго колокола.

Раскольники вышли изъ царскихъ палатъ еще шумнѣе, чѣмъ вступили въ оныя. Высоко поднявши свои иконы и книги, они кричали ожидавшему ихъ народу: «Побѣдили! побѣдили! По нашему вѣруйте, по нашему креститесь!» И расположившись на лобномъ мѣстѣ, по прежнему стали проповѣдывать и возмущать народъ.

Если, какъ замѣчаетъ самъ патріархъ Іоакимъ, слова лжеучителей и прежде западали въ сердца слушателей; то какую силу должны были получить они теперь, послѣ торжественнаго пренія, когда на порогѣ царскаго дома раскольники провозглашали побѣду; когда почти подъ окнами патріаршихъ палатъ они публично проповѣдывали свое ученіе!... Но одна ошибка влечетъ за собою другую, одинъ шагъ въ сторону съ прямого пути приводитъ со временемъ къ совершенно ложнымъ результатамъ. Царевна, чтобъ достигнуть власти, возбудила духъ мятежа въ стрѣльцахъ и раскольникахъ,—и вотъ недавніе ея союзники уже обнаружили неповиновеніе ея власти. Хованскій сдѣлался сильнѣе Милославскаго, и начиналъ быть опаснымъ самой правительницѣ! Чтобъ

одолѣть его, надлежало усмирить стрѣльцовъ и раскольниковъ, на которыхъ онъ опирался, а кого противопоставить стрѣльцамъ и раскольникамъ? Приверженцы Петра не были приверженцами Софіи; преданность Россіи къ ней была довольно сомнительна. Правительство, которому угрожали вчерашніе его союзники, увидѣло себя безъ опоры. Изъ этого положенія надлежало однакожь выйти во что бы то ни стало: необходимо было обнаружить смѣлость, чтобъ заставить предполагать силу на своей сторонѣ. Никита, съ нѣкоторыми другими проповѣдниками, былъ схваченъ и казненъ безъ суда и разбирательства, другіе лжеучители отданы подъ духовное начало или заключены. Это устратило раскольниковъ и заставило ихъ притихнуть.

Но побѣда правительства была далеко не рѣшительна. Хованскій не упалъ духомъ и продолжалъ завязывать интригу за интригой. Сила его въ Москвѣ была велика. Раскольники, злые и упорные враги престола, считали его своимъ представителемъ и политическимъ главою. Последняя его попытка, хотя и неудачная, естественно должна была еще болѣе привязать къ нему этихъ людей. Стрѣльцы были ему преданы безусловно. Они не иначе его называли какъ «батюшкою», и когда онъ выѣзжалъ, они бѣжали за нимъ толпами, крича: «большой, большой ѣдетъ (19)!»

Чтобъ поддержать эту популярность, которая столько же льстила его самолюбію, сколько соответствовала гордымъ его замысламъ, Хованскій употреблялъ всевозможныя, позволительныя и непозволительныя средства. Все было дозволено стрѣльцамъ ихъ «батюшкою». Стѣило стрѣльцу пожаловаться на своего начальника, начальника этого смѣняли, били, безчестили; стѣило объявить какую нибудь претензію, ей спѣшили удовлетворить; спѣшили исполнить или даже предупредить малѣйшее желаніе стрѣльцовъ. Имущества убитыхъ во время мятежа были давно отобраны въ ихъ пользу; съ тою же цѣлію обыватели Москвы, какъ какого нибудь покореннаго города, были обложены контрибуціею; самыя имѣнія духовенства и монастырей, доселѣ неприкосновенныя, не были избавлены отъ поборовъ.... (20) Какъ, при нынѣшнихъ понятіяхъ, вообразить, чтобы такія самовольства совершались частнымъ человѣкомъ въ самой резиденціи царей?

(19) Матвеевъ 37.

(20) Ирекшинъ 44. Матвеевъ 38. Медвѣдевъ 31.

Народъ, даже значительные люди ежечасно дрожали за свои имущества, за самую жизнь свою, потому что при этомъ необузданномъ своеволіи стрѣльцовъ воскресли давно уснувшія или таившіяся вражды. Старый заслуженный полковникъ Яновъ, на примѣръ, прогнававшій нѣкогда своихъ подчиненныхъ, во время украинскихъ походовъ, большею строгостію, былъ по ихъ требованію взятъ съ пограничной службы, привезенъ въ Москву, жестоко пытанъ и казненъ. Другіе два полковника, Барсуковъ и Кравковъ, подобнымъ же образомъ, безъ разбирательства и суда, были выданы *головами* стрѣльцамъ, которые ихъ жестоко истязали.

Послѣ этого никто не могъ считать себя безопаснымъ. Дома въ Москвѣ казались необитаемыми, окна и двери были заперты. На улицахъ никто не смѣлъ показываться, боясь встрѣтиться съ какимъ нибудь забытымъ врагомъ и разбудить его злобу. Когда буйныя толпы стрѣльцовъ, взявшись за руки и распѣвая пѣсни, гуляли по городу, ругая враговъ Хованскаго, всякъ прятался и молилъ Бога пронести мимо его эти ватаги, равно страшныя и въ злобѣ и въ веселіи.

Съ негодованіемъ, но и съ чувствомъ своего безсилія взирало правительство на эти безчинства. Хованскій никогда не былъ близокъ къ царевнѣ, какъ на примѣръ Милославскій или Голицынъ; онъ не принималъ дѣятельнаго участія въ уснѣхъ партіи, къ которой присоединился случайно и съ совершенно своекорыстными видами, и между тѣмъ лучшая часть добычи — военная сила — досталась на его долю! Это одно уже могло не расположить къ нему царевну и ея близкихъ людей. Но когда онъ явно сталъ дѣйствовать противъ правительства, прежніе его союзники поклялись погубить его. Въ сущности Хованскій былъ не такъ силенъ и не такъ страшенъ, какъ казалось. Значеніе его между стрѣльцами опиралось не на великомъ его превосходствѣ, не на заслугахъ, не на способностяхъ или характерѣ, а на случайныхъ отношеніяхъ и на лести, которую расточалъ онъ предъ своими подчиненными. Это была не преданность къ нему народа, не власть его надъ нимъ, а простая популярность. — нѣчто весьма ненадежное. При томъ Хованскій былъ слишкомъ тщеславенъ, слишкомъ заносчивъ въ счастіи, и потому не могъ быть серьезно опаснымъ. Прогуливаться по Москвѣ посреди трепещущаго населенія и ликующихъ стрѣльцовъ, кидать имъ мелкія дельги

горстями, въ награду за ихъ привѣтствія, упиваться зрѣлищемъ своего торжества, словомъ, поддаваться тщеславію, значить, не быть предназначену къ разыгрыванію важныхъ политическихъ ролей. Истинно великій умъ, великій характеръ, не ищетъ нравиться, а покоряетъ себѣ умы. Но Хованскій не полагалъ мѣры своему могуществу. Давно не считая для себя нужнымъ содѣйствіе прежнихъ своихъ политическихъ друзей, онъ наконецъ явно разсорился съ Милославскимъ. По видимому онъ точно одолевалъ этого послѣдняго. Недавно еще любимый стрѣльцами, главный ихъ руководитель, бояринъ этотъ скоро услышалъ имя свое произносимое съ угрозами и проклятіями. Нерасположеніе стрѣльцовъ распространилось и на все правительство. При малѣйшемъ противорѣчій со стороны правительства Хованскій возбуждалъ противу него стрѣльцовъ: «Дѣти, говорилъ онъ имъ, я желаю вамъ добра,—за это бояре угрожаютъ мнѣ; я ничего не могу для васъ,—дѣйствуйте сами какъ хотите!»

Милославскій, никогда не блиставшій отважностію, поспѣшилъ удалиться въ одно изъ своихъ подмосковныхъ имѣній. Но онъ не дремалъ тамъ: ястребиный его взоръ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ врага, въ неосторожномъ поведеніи котораго не трудно было отыскать предлоговъ къ его гибели. Тщеславіе Хованскаго и гордыя мечты сгубили его. Милославскій сдѣлалъ ихъ орудіемъ своего мщенія. «Хованскій питаетъ, писалъ онъ царевнѣ, опасные замыслы. Онъ не безъ цѣли ласкаетъ стрѣльцовъ, привязываетъ ихъ къ себѣ всевозможными спихожденіями и въ то же время возстановляетъ противъ правительства. Онъ замышляетъ, продолжалъ старый кознодѣй, истребить знатнѣйшихъ бояръ, духовенство и самый домъ царскій, и сдѣлаться царемъ русскимъ (21).»

Впрочемъ не нужно было всѣхъ этихъ, основательныхъ или нѣтъ, внушеній, чтобъ раздражить царевну противъ Хованскаго; она никогда не была близка къ нему, а теперь къ личнымъ чувствамъ ея присоединялись и расчеты государственныя Хованскій былъ главою анархистовъ, которые могли навести Россію на нескончаемый путь потрясеній и переворотовъ. По этому твердо рѣшено было погубить Хованскаго; ожидали только благопріятнаго случая.

(21) Матвеевъ 42.

Случай этот не замедлил представиться. Распространился слухъ, что Хованскій замышляетъ истребить весь царскій домъ во время крестнаго хода, ежегодно совершаемаго 19-го августа въ Донской монастырь (22). Справедливъ или нѣтъ былъ этотъ слухъ, царица постаралась придать ему большую гласность и послѣшила оставить Москву вмѣстѣ со всѣмъ домомъ и дворомъ царскимъ. Внезапный отъѣздъ этотъ, какъ и надо было ожидать, встревожилъ всѣхъ: всякій старался узнать причину его, и узнавши, торопился въ свою очередь выѣхать изъ Москвы, такъ что въ короткое время въ ней не осталось почти никого изъ лицъ, сколько нибудь знатныхъ и богатыхъ. 1-го сентября при церемоніи, которою праздновался новый годъ, находился всего одинъ только окольничій (23).

Такое удаленіе двора и опустѣніе Москвы должно было бы встревожить Хованскаго, но онъ былъ слишкомъ упоенъ своею популярностію и не думалъ объ опасности, которая однакожь была близка.

Царская фамилія прибыла въ Коломенское по отъѣздѣ своемъ изъ Москвы. 2-го сентября полковникъ стрѣлецкій Даниловъ, проходя мимо воротъ дворцовыхъ, замѣтилъ на нихъ какую-то бумагу. На ней было написано: «вручить государынѣ царицѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. Даниловъ такъ и сдѣлалъ. это былъ доносъ на Хованскаго отъ имени двухъ посадскихъ людей и одного стрѣльца, которыхъ будто бы призывалъ старшій князь, вмѣстѣ со многими другими, чтобъ предложить имъ помогать ему въ достиженіи московскаго престола. Для этого предполагалось, по словамъ доноса (24), произвести мятежъ въ Москвѣ, и истребить знатнѣйшее духовенство, бояръ и царскую фамилію, исключая Екатерины Алексѣевну, которую Хованскій прочилъ за своего сына. Мятежъ этотъ надѣялись распространить и внѣ Москвы, и произвести повсемѣстное избіеніе намѣстниковъ, воеводъ и проч. Когда же государство замутилось, писано въ этомъ извѣстномъ письмѣ, тогда сдѣлать царемъ князя Ивана, патріархомъ же поставить такого, «ктобъ старья книги любилъ.»

(22) Медвѣдевъ 32.

(23) Тамъ же.

(24) Акт. Арх. Экс. Т. IV. № 258.

Быль ли справедливъ этотъ доносъ, быль ли даже онъ дѣйстви- тельно написанъ двумя посадскими и одинъ стрѣльцомъ, — не знаемъ; что Хованскій имѣлъ большіе замыслы, — это болѣе чѣмъ вѣроятно, но планъ, сообщенный въ доносѣ, быль слишкомъ обши- ренъ, и главное, слишкомъ необдуманъ, едва ли можно счи- тать его за дѣло серьезное. Мы скорѣе готовы думать, основыва- ясь на этихъ соображеніяхъ и на мнѣніи Матвеева, что весь этотъ доносъ быль дѣломъ Милославскаго и царевниной партіи, которой нужна была гибель Хованскаго. Дальнѣйшее развитие этой исторіи подтвердить наше мнѣніе.

Дворъ обнаружилъ при этомъ извѣстїи большое смятеніе и не- медленно выѣхалъ изъ Коломенскаго въ другое подмосковное, Воробьево; но считая это мѣстопребываніе не довольно безопа- снымъ по причинѣ сосѣдства съ Москвою, переѣхалъ въ Павлов- ское и оттуда наконецъ въ Саввиѣ Сторожевскій монастырь (25). За стѣнами этой обители наконецъ, по видимому, успокоились. Немедленно послана была отъ имени царей грамота въ ближайшія мѣста, чтобъ всѣ ратные люди, дворяне, бояре съ своими слугами, спѣшили на защиту царскаго дома (26). На этотъ разъ возмуще- ніе стрѣльцовъ уже не называли «заступленіемъ за домъ Пресвя- тая Богородицы», но измѣною, бунтомъ, воровскимъ дѣломъ; эпи- теты: «воры, измѣнники», стояли неотлучно при словѣ стрѣльцы; бояре же и другіе люди, побитые во время мятежа, которыхъ имена недавно еще были преданы публичному поруганію, на этотъ разъ сдѣлались предметомъ симпатїи. Всѣхъ этихъ смуть виною признанъ быль Хованскій, и противъ его прежнихъ зло- дѣйствъ и новыхъ замысловъ приглашалось въ сильныхъ выраже- ніяхъ содѣйствіе всѣхъ вѣрныхъ слугъ царскихъ. Какъ ни стран- ненъ долженъ быль показаться смыслъ этой грамоты, опровер- гавшей сначала до конца грамоту, за три мѣсяца предъ тѣмъ на- писанную, — призывъ царей не остался однакожь безотвѣтенъ. Вооруженные люди всякаго званія и чина не медля поспѣшили въ Воздвиженское село, куда между тѣмъ переѣхалъ дворъ. Но не- льзя было надѣяться одолѣть Хованскаго посреди преданныхъ ему стрѣльцовъ: надо было его вызвать изъ Москвы. Какими сред- ствами была достигнута эта цѣль, намъ трудно понять. Неуже-

(25) Крекшинъ 45.

(26) Акт. Арх. Экс. Т. IV. № 262.

ли, еели онъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ замыселъ противъ царской фамиліи и престола, неужели онъ послушался простаго повелѣнія и оставилъ стѣны московскія и преданныхъ ему стрѣльцовъ?... Или, неужели онъ подался на льстивое письмо, которымъ его приглашали въ Воздвиженское для торжественной встрѣчи гетманскаго сына (26)? Трудно повѣрить такому простодушію, такому легковѣрному тщеславію? Какъ бы то ни было, Хованскій съ сыномъ выѣхалъ изъ Москвы.

Они ѣхали медленно, съ большою пышностію. Стрѣлецкіе выборные, многочисленныя слуги, домочадцы, знакомцы—окружали его. Въ патріаршемъ селѣ Пушкинѣ, весь поѣздъ этотъ расположился отдохнуть. Слуги разбили великолѣпныя шатры для князя и для его свиты между крестьянскими гумнами, недалеко отъ большой дороги (27).

Тщеславный старикъ упивался своимъ могуществомъ, глядя на этотъ многочисленный поѣздъ, на золото и серебро, которымъ было убрано окружіе оружающихъ и сбруя ихъ коней... а гроза уже висѣла надъ его головою.

Узнавъ о его выѣздѣ изъ Москвы, царица,—и можно вообразить, съ какою радостію она объ этомъ узнала! — царица приказала князю Лыкову не медля ни минуты взять достаточное число вооруженныхъ людей и захватить Хованскихъ отца и сына. Лыковъ отправился; впереди его ѣхало нѣсколько чело-вѣкъ, которые отъ проходящихъ навѣдывались о Хованскомъ; узнавъ, что онъ безопасно отдыхаетъ, Лыковъ окружилъ его бивакъ и захватилъ его безъ сопротивленія вмѣстѣ съ тридцатью семью чело-вѣками стрѣлецкихъ выборныхъ. Князя Андрея не было съ отцемъ: онъ ѣхалъ отдѣльно и находился въ это время на далеку, въ одномъ изъ своихъ имѣній. Лыковъ поспѣшилъ туда и точно также легко захватилъ и его. 17 сентября, въ самый день именинъ царицы, привезены были оба Хованскіе въ Воздвиженское. Судъ ба ихъ была уже рѣшена, и кажется даже приговоръ приготовленъ за-ранѣе: по крайней мѣрѣ такъ можно думать, основываясь на слишкомъ короткомъ промежуткѣ между отправленіемъ Лыкова и казнію Хованскаго. Да это и весьма вѣроятно:

(26) Крекшинъ 47.

(27) Матвеевъ 44.

Хованскій былъ во многомъ виновенъ, смерть его была нужна для торжества царевны и для успокоенія государства, и онъ находился во власти враговъ своихъ! Семнадцатаго же числа былъ исполненъ приговоръ: сначала отсѣчена голова князю Ивану; потомъ князь Андрей, поцѣловавъ трупъ отца своего, склонилъ голову на плаху; наконецъ казнены и всѣ тридцать семь человѣкъ, въ томъ числѣ подполковникъ Одинцовъ, взятые княземъ Лыковымъ (28).

Смерть Хованскихъ есть одна изъ великихъ юридическихъ неправдъ; въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Обвиненіе его основано на безыменномъ доносѣ, взятъ онъ былъ обманомъ, приговоренъ за вины, ни чѣмъ не доказанныя по большей части, или даже все вымышленныя. Такъ думали и многіе современники. Если Хованскій былъ дѣйствительно виноватъ, почему его не судили правильнымъ судомъ? Бояться стрѣльцовъ было нечего: въ рукахъ правительства было уже въ то время значительное число ратныхъ людей. Почему въ самомъ приговорѣ его и въ грамотахъ, которыми объявлялось о его казни, сказано о замыслѣ его противъ царской фамиліи и спокойствія государства коротко, вскользь, въ общихъ только выраженіяхъ, очевидно на основаніи одного только вышеприведеннаго безыменнаго доноса? Хованскій требовалъ суда, просилъ очныхъ ставокъ, предлагалъ объявить имена настоящихъ виновниковъ стрѣлецкаго мятежа: это было отвергнуто, и безъ сомнѣнія только ускорило исполненіе приговора. Казнью его поспѣшили такъ, что даже не хотѣли подождать прибытія палача изъ Москвы, а заставили принять эту обязанность одного изъ стрѣльцовъ стремяннаго полка (29).

Не оправдываемъ Хованскаго; множество безчинствъ, страшное своеволие стрѣльцовъ, жестокія утѣсненія, даже кровавыя неправды лежатъ на его памяти; можетъ быть, въ чадѣ своего тще-славія, онъ и въ самомъ дѣлѣ мечталъ — но только мечталъ — о престолѣ, и во всякомъ случаѣ страшная цѣпь переворотовъ и грозныхъ потрясеній ожидала Россію, еслибъ, что впрочемъ невѣроятно, онъ одолѣлъ. Тѣмъ не менѣе утверждаемъ, что смерть его была великою юридическою неправдою, и онъ палъ жертвою

(28) Матвеевъ 45. Крекшинъ 47.

(29) Матвеевъ 45.

отчасти жестокой необходимости государственной, но еще гораздо болѣе жертвою того кроваваго фатализма, который присутствуетъ при борьбѣ политическихъ партій. Еслибъ Хованскій восторжествовалъ, Милославскому не было бы пощады.

Между тѣмъ Иванъ Хованскій, второй сынъ казеннаго князя, ушелъ изъ Воздвиженскаго и распространилъ между стрѣльцами вѣсть о страшной участи ихъ «батюшки». Стрѣльцы вспыхнули; ударили въ барабаны, схватили оружіе, и когда прибылъ въ Москву стольникъ Зиновьевъ съ царскою грамотою, онъ едва спасся отъ смерти. Нѣкто Языковъ распустилъ между стрѣльцами слухъ, что дворъ, собравъ большое число ратныхъ людей, хочетъ идти на Москву, съ тѣмъ, чтобъ истребить все войско стрѣлцкое (30). Этотъ слухъ произвелъ совершенный мятежъ. Раздраженные толпы кинулись на оружейную и пороховую казну царскую, захватили пушки и снаряды, и требовали, чтобъ ихъ самихъ вели противъ двора, который между тѣмъ переѣхалъ въ Троицкій монастырь. Но дворъ въ это время дѣйствительно былъ защищенъ сильною ратью. Дворяне и другіе вооруженные люди, съ большою готовностію собравшіеся на призывъ царскій, выказывали столько усердія къ престолу и столько злобы противъ враговъ его, что правительство само принуждено было ихъ удерживать (31).

Все это узнали стрѣльцы, и гнѣвъ ихъ превратился въ страхъ и смятеніе. Они прибѣгли къ патриарху, прося его ходатайства. Почтенный пастырь, занимавшійся въ это время сочиненіемъ своего «Увѣта духовнаго» для вразумленія раскольниковъ, поспѣшилъ оставить ученые труды, чтобъ заняться бѣдствіями своей паствы (32). Немедленно написалъ онъ царямъ грамоту, въ которой молилъ о пощадѣ кающихся, и отправилъ съ этою грамотою Иларіона, митрополита суздальскаго. По ходатайству патриарха, чрезъ нѣсколько дней было получено въ Москвѣ извѣстіе, что цари соглашаются принять покорность стрѣльцовъ. Тотчасъ же была изготовлена челобитная (33), въ которой сваливая всю вину на Ивана Ивановича Хованскаго и на Языкова, мятежники объявляли, что они взялись за оружіе изъ страха

(30) Акты Арх. Экс. Т. IV № 264.

(31) Крекшинъ 51.

(32) Акты Археогр. Эксп. Т. IV. № 260.

(33) Тамъ же, № 264.

замышляемаго будто бы боярами истребленія ихъ, что они готовы смириться и принести государямъ повинную. Излишняя строгость со стороны правительства была бы бесполезна, да и неблагоприятна. Стрѣльцамъ объявлено было прощеніе, съ тѣмъ, чтобы они возвратили по принадлежности захваченныя ими орудія, порохъ и снаряды, и выдали главныхъ виновниковъ возстапія боярину Михаилу Петровичу Головину, которому послѣ казни Хованскаго поручено вѣдать Москву.

Условія эти объявлены стрѣльцамъ чрезъ пагріарха и приняты ими немедленно и безпрекословно: мятежникамъ не оставалось болѣе никакихъ надеждъ, и въ виду Москвы стояла сильная рать... Въ силу приведенныхъ условій надлежало выдать главныхъ виновниковъ мятежа. Не менѣе 2700 человекъ, по свидѣтельству Крекшина, а по нѣкоторымъ другимъ извѣстіямъ гораздо большее число, выступили изъ рядовъ, исповѣдались, причастились, простились съ семействами своими и, надѣвъ петли на шею, взявъ съ собою плахи и топоры, отправлялись въ Троицкій монастырь.

Печальна была эта длинная процессія осужденныхъ, провожаемая плачущими женами и дѣтьми!... Изъ монастыря выѣхалъ, при ихъ приближеніи, отрядъ ратныхъ людей, который, осмотрѣвъ стрѣльцовъ, не имѣютъ ли при себѣ оружія, и окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ, ввелъ наконецъ въ монастырскую ограду. Тамъ трижды поклонились они передъ царскимъ домомъ, сложили свои плахи и униженно склонили на нихъ свои головы (34). Семейства этихъ несчастныхъ, ни на минуту отъ нихъ не отстававшія, тѣсняясь вокругъ стражи, простирали руки къ окнамъ царскихъ покоекъ, умоляя о пощадѣ... Много рѣшимости нужно было, чтобъ разомъ истребить такое множество народа! Да и было ли бы это благоразумно? Правительство было еще слишкомъ слабо, чтобъ отважиться на такія крутыя мѣры. Побѣда же была полная, покорность стрѣльцовъ безусловная:—прощеніе имъ было даровано.

Всѣ эти пересылки между столицею и временною резиденціею двора заняли слишкомъ поятора мѣсяца, считая со дня казни Хованскихъ. Наконецъ 6-го ноября былъ назначенъ торжественный въѣздъ всѣхъ особъ царскаго дома въ Москву; ночь съ 5-го на 6-е проводили онѣ въ Алексѣевскомъ селѣ, охраняемая многочисленною земскою ратью.

(34) Крекшинъ 57.

Это извѣстіе обрадовало многихъ, надѣявшихся на водвореніе порядка съ прибытіемъ двора, но многихъ и встревожило. Полному прощению не осмѣливались довѣрять, боялись новыхъ изслѣдованій, новыхъ наказаній. Стрѣльцы разумѣется трусили больше всѣхъ; не зная чѣмъ доказать свое раскаяніе, они просили разрушить столбъ, воздвигнутый нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, какъ бы отрекаясь тѣмъ отъ своего прошлаго (35).

Правительство съ своей стороны то же повидимому не вполнѣ довѣряло быстрой покорности стрѣльцовъ. Въ день вѣзда въ Москву имъ запрещено было надѣвать оружіе; рати же, слѣдовавшей за дворомъ изъ Троицкаго, велѣно ходить вооруженной. Еще болѣе уstraшенные этимъ повелѣніемъ, особливо видя передъ собою безчисленныхъ вооруженныхъ людей, недружелюбно на нихъ взиравшихъ, — стрѣльцы совершенно упали духомъ и во все время шествія царскаго отъ Алексѣевскаго до Москвы не поднимали головъ своихъ отъ земли. Вскорѣ послѣ вступленія своего въ Москву, Петръ съ своимъ семействомъ и дворомъ уѣхалъ въ Преображенское; Иоаннъ же, заключившись въ своемъ дворцѣ, передалъ всю власть въ руки царевны Софіи.

Расположивъ рать, съ помощью которой она вступила въ Москву, въ окрестностяхъ столицы, царевна смѣло и твердо взялась за кормило правленія.

Въ слѣдующей главѣ мы займемся обзоромъ главнѣйшихъ сторонъ внутренней администраціи и внѣшней политики новаго правительства.

(35) Акты Арх. Эксп. Т. IV № 270.